ПРЕОДОЛЕНИЕ «ВЛАСТИ ДИСКУРСА» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

УДК 165.62

В.Б. СОКОЛ

Столетняя история феноменологического движения показала, что, пожалуй, самой существенной трудностью теоретической и практической реализации метода феноменологии, начиная с момента его зарождения в трудах основателя Э. Гуссерля, является *проблема дискурсивно-лингвистического статуса феноменологической дескрипции*. Всеволод Адольфович Ладов достаточно убедительно демонстрирует «открытость вопроса адекватной языковой игры» феноменологического дискурса и тем самым справедливо ставит «под вопрос» состоятельность феноменологической науки в принципе [1, с. 704]. Мы постараемся показать, что В.А. Ладов убедителен только в границах дискурса, который мы условно обозначим «*онтологическим*», чтобы провести его существенное отличие от дискурса «*гносеологического*», которым в определяющей степени пользовался Гуссерль. Наша окончательная задача в исследовании дискурсивной стороны феноменологического метода – показать феноменологическую ущербность *онтологического* дискурса в пользу демонстрации релевантности дискурса *гносеологического*.

Понятие дискурс (англ. discourse, фр. discours – речь) происходит от латинского слова discursus – «рассуждение», «довод», «беседа», «разговор». В свою очередь, слово discursus происходит от лат. discere – «блуждать», «бегать взад-вперед», «движение», «круговорот». В гносеологии Средних веков дискурс – способ рационального познания в движении от посылок к выводу (как в силлогизме), при этом дискурс противопоставлялся непосредственному, или интуитивному, познанию. В философии французского структурализма 50-х гг. XX в. (К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, М. Фуко, Л. Альтюссера и др.) термин вобрал в себя различные оттенки смысла: «текст», «теория», «стилистически окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих». В неклассической философии (постструктурализм и др.) продолжилась дальнейшая эксфолиация и диверсификация термина (А.С. Тимощук [7]).

Научно-философское звучание термин «дискурс» в неклассической философии получает, прежде всего и в большей степени, в работах Мишеля Поля Фуко (1926–1984). Французский историк и философ путем «археологии» знания изучал априорные нормы и правила, которые управляют научно-познавательными системами, в том числе и системой философского знания. Фуко полагал, что знание исторически детерминировано той или иной социальной формой своей организации и распространения, трансляции (в рамках сети «эпистемы»). Причем главное средство дискурсивного генезиса самое радикальное – прямая власть социальных институтов, от которых идет контроль определений тех или иных понятий, категорий, в конце концов, понимание самой «истины». Что касается научно-исследовательской деятельности, «дискурсия», соответственно, – инструмент познания, с абсолютной властью задающий относительные априорные принципы (парадигмы) познания, обусловленные контекстом времени и обстоятельствами той или иной историко-культурной «эпистемы». Следовательно, научное знание, включая «эпистему» философии (в диахроническом срезе этого понятия), не возникает из сущности вещей, поэтому не отражает внутренне присущую им истину. Здесь Фуко прямо перекликается с критикой европейской науки Эдмунда Гуссерля в своем итоговом труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», где констатирует «диагноз» кризиса как подмену истинных наук о сущностях на науки о фактах. Факты же, увы, по природе своей не отражают сущности вещей, а, напротив, скрывают их. На различии факта и сущности Э. Гуссерль, начиная с 1 тома «Идей...», строит свою новую науку, феноменологию, которая, в отличие от всех предыдущих, по мнению немецкого философа, только и может называться поистине точной наукой [2, с. 37].

Хотя Гуссерль наверняка бы согласился с дискурсивной, историко-эпистемной «ангажированностью» европейской науки, тем не менее, отрицал бы абсолютность дискурсивной «власти», на которой настаивал Фуко. Здесь мы приходим к ключевому положению предпринимаемого дискурсивного осмысления феноменологии. Наша версия решения обозначенной проблемы дискурсивной нерелевантности феноменологической дескрипции Гуссерля, – наложение друг на друга контрадикторных по своей структуре дискурсивных линий,

которые использовал в своих текстах Гуссерль и которые мы условно обозначили как «*онтологический*» и «*гносеологический*» *дискурсы*. В этом смысле в сопоставительном контексте с дискурсивной теорией познания Фуко феноменологический замысел Гуссерля нацелен как раз на преодоление «власти дискурса» над научным познанием, что и подразумевается в известном призыве Гуссерля «Назад к вещам!» (то есть к сущностям вещей). Другими словами, феноменологическая редукция подразумевает своеобразный *антидискурс*, призванный преодолеть историческую дискурсивно-эпистемную обусловленность европейской науки и философии. «Власть дискурса» Фуко имеет силу только в границе той когнитивно-познавательной установки, которую Гуссерль назвал наивной «естественной установкой». Соответственно, феноменологическая редукция суть *антидискурс* как инструмент выхода из-под «власти» всякого дискурса в свободную когнитивную сферу чистых сущностей, то есть сферу установки феноменологической. *Антидискурс* «одинокой душевной жизни» [3, с. 46] — результат преодоления сначала онтологического (эйдетическая редукция), затем гносеологического дискурсов (трансцендентально-феноменологическая редукция), специфика которых может быть определена посредством дискурсивного анализа.

В соответствии с современными методологиями дискурсивного анализа (П. Хоппер, С. Томпсон, Е. В. Падучева, Т. ван Дейк, Т. Гивон, Э. Шеглофф, Ф. Бартлетт, А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин и др.), философское «древо» с самого рождения в размышлениях «досократиков» можно разделить на два дискурсивных ствола: онтологию и гносеологию. Стержневой круг вопросов дискурсивного анализа — изучение структуры дискурса, которую в первом приближении принято условно разделять на *макроструктуру* (или суперструктуру), то есть глобальную структуру, и *микроструктуру*, или локальную структуру. Онтологический и гносеологический дискурсы конгруэнтны в своих *макроструктурах* (поэтому они воспринимаются неким единым философским знанием), но принципиально различны в микроструктурах (по так называемым «*клаузам*»). В соответствии с Т. ван Дейком [4], *макроструктура*, по сути, есть своеобразный «реферат» («резюме») основного содержания дискурса, который в процессе понимания текста выстраивает адресат. В терминах аналитической философии, *макроструктура* охватывает последовательность *макропропозиций*, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным *макроправилам*, таких как, например, сокращение несущественной информации, обобщения однотипных пропозиций и т. д. В отличие от *макроструктуры*, микроструктура любого дискурса состоит из минимальных дискурсивных элементов, в качестве которых в большинстве современных подходов принято считать предикации, или *клаузы*. С этой точки зрения, дискурс — это последовательная цепочка клауз. Понятие «клауза» недавно заимствовано из английской грамматической терминологии («clause») и характеризует элементарную предикацию в концепции семантической переходности П. Хоппера и С. Томпсона (лингвистический функционализм) [5, с. 276–339]. В противоположность традиционному пониманию грамматической переходности как способности глагола иметь прямое дополнение, Хоппер и Томпсон предполагают, что семантическую переходность характеризует не глагол, а так называемый «элементарный предикат», несущий в себе «смысловую связку» (клауза). Клаузы образуют сложные предложения, соединяясь сочинительной или подчинительной связью, либо интонацией. При этом, если объединение клауз в сложные предложения чрезвычайно изменчиво, то распределение смысловой информации по отдельным клаузам, как показывают психолингвистические эксперименты по воспроизведению вербальной информации, относительно неизменно. Именно поэтому для микроструктурного анализа дискурса понятие предложения оказывается менее значимым, чем понятие клаузы.

В соответствии с известной функционалистской *референциально-ролевой грамматикой* (role and reference grammar), предложенной в 1970-е годы и сейчас развиваемой главным образом Р. Д. Ван Валином и его последователями, клауза состоит из нескольких «слоев»: 1) предикат; 2) аргументы; 3) зависимые от предиката элементы и пр. Наиболее важный элемент структуры клаузы — ее информационная структура, которая в соответствии с референциально-ролевой грамматикой включает два основных элемента: 1) *топик*: информация, известная говорящему; 2) *фокус*: информация, добавляемая к топику. Например, в утвердительном предложении фокус — то, что утверждается о топике; в вопросительном предложении фокус — объект вопроса и т. д.

Однако для выстраивания и сопоставления микроструктур онтологического и гносеологического дискурсов недостаточно выделить и охарактеризовать их типологические клаузы без учета специфики связи клауз между собой, поскольку только связность и иерархичность клауз обеспечивает смысловое единство дискурса уже на элементарном уровне. В этом

смысле весьма продуктивна известная в дискурсивном анализе *теория риторических структур* (ТРС). Разработанная в 1980-е годы американскими лингвистами Уильямом Манном и Сандрой Томпсон, ТРС очень быстро была признана эффективной методикой описания структуры дискурса в виде сетей дискурсивных единиц, соединенных семантическими отношениями [9].

ТРС основана на гипотезе обязательности взаимосвязи любой единицы дискурса как минимум еще с одной единицей, причем сущность этой связи – семантический эйдос, имманентный дискурсивный смысл, который и назван «риторическим отношением». Термин «риторическое» отнюдь не отсылает к какому-то принципиальному значению, а просто указывает на бессмысленность независимого существования любой единицы дискурса на всех уровнях иерархии дискурса. Каждая единица служит дополнением к другой единице для достижения общей смысловой цели. Единицы дискурса, связанные риторическими отношениями, могут быть разного объема, заполняя все иерархические уровни дискурса по древовидному принципу. Другими словами, одни и те же риторические принципы обеспечивают единство не только микроструктуры дискурса, но и его макроструктуру, обеспечивая смысловую целостность дискурса как исторического социально-культурного феномена. В ТРС базовыми понятиями служат *дискурсивная единица* и *отношение*. Соответственно, дискурсивный анализ сводится к делению текста на *дискурсивные единицы*, которые связываются между собой *риторическими отношениями* разных «наборов». Большая часть отношений являются *ассиметричными* – из двух объединяемых единиц одна доминирует по значимости (*ядро-N*), другая играет вспомогательную роль (*сателлит-S*). Часто сателлит может быть заменен другим или вообще опущен при сохранении риторического эффекта. В набор отношений могут входить и *симметричные* варианты (объединяют два ядра). Хотя в большинстве случаев риторические отношения *бинарные* (ядро + сателлит), иногда могут быть и многоядерные наборы (объединяют более 2 отношений). Если анализ касается микроструктуры дискурсивной иерархии, то дополнительно различают *элементарную дискурсивную единицу (a unit)* или ЭДЕ, в роли которой обычно и служит клауза – элементарная семантическая единица микроструктуры любого дискурса, которая, как указывалось, функционально реализуется в тех или иных риторических отношениях с соседними клаузами, образуя иерархическую древовидную сеть. Подразумевается, что для всех уровней иерархии применяются одни и те же риторические отношения, которых выделяют около двух-трех десятков. Разновидности бинарных или асимметричных отношений – обеспечение возможности, обоснование, свидетельство и др. Виды многоядерных или симметричных отношений: последовательность, контраст и конъюнкция [10, p. 39–78].

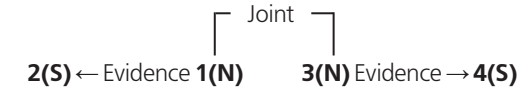
Выберем два отрывка из классических философских текстов, первый послужит типичным примером онтологического дискурса, второй – гносеологического дискурса, и выстроим их микроструктурное древо. Наша задача – определить микроструктурные инварианты (своеобразные дискурсивные матрицы), задающие специфику онтологического и гносеологического дискурсов уже на первом уровне дискурсивной иерархии, то есть в корне единичных риторических отношений элементарных пар клауз.

В качестве типичного классического примера онтологического дискурса выберем отрывок текста Парменида: «Ибо то, чего нет, нельзя ни познать, ни изъяснить...» [8, с. 295], в котором можно выделить три клаузы: 1) то, чего нет; 2) нельзя познать; 3) [нельзя] изъяснить. По правилам ТРС мы должны прежде всего обратить внимание на две вещи: а) однородные сказуемые образуют отдельные ЭДЕ; б) оба сказуемых задают одно риторическое отношение по направлению к главной клаузе, то есть одно ядро связано с двумя сателлитами (асимметричное, бинарное отношение). Тип риторического отношения в случаях 1–2 и 1–3 ближе к тому, что Манн и Томпсон назвали «Enablement» («обеспечение возможности»). Отношение 2–3 отсылает к семантическому «развитию или детализации» («Elaboration»). Древовидная схема может принять такой вид:

Ядро – «то, чего нет» (Небытие, по Пармениду) – задает смысловое содержание дальнейшего дискурсивного ряда, при этом принимается как *известное* (*топик*, в соответствии с РРГ) – «само собой разумеющееся». Следовательно, здесь фундирующее и аксиоматически принимаемое смысловое поле прямо связано с проблемой существования/несуществования и поэтому соответственно определяет онтологический тип дискурса. Целевая же установка задаваемой дискурсивной программы – возможность познания – носит уже второстепенный характер (сателлит) и является *фокусом* клаузы онтологического дискурса.

В качестве типичного примера классического гносеологического дискурса нам послужит отрывок Секста Эмпирика: «Мы не сможем сказать, каковым является по природе подлежащее суждению, но только можем сказать, каковым является оно по отношению к данному поведению жизни» [6, с. 14]. Нам понадобится более адекватный «перевод» высказывания Секста с учетом феноменологической специфики современного философского языка: «Мы не можем достоверно знать, какова сущность исследуемого предмета познания, но мы можем знать, как явлен этот предмет по отношению к данному факту окружающего мира». Разделенный на ЭДЕ текст Эмпирика принимает следующий вид: 1) «мы не можем сказать [познать]», 2) «каковым является по природе подлежащее суждению [какова сущность предмета познания]», 3) «мы можем сказать [познать]», 4) «каковым является оно по отношению к данному поведению жизни [как явлен он по отношению к данному факту окружающего мира]». Здесь мы имеем дело с двумя бинарными асимметричными парами клауз, связанными риторическим отношением конъюнкции – «joint» (союз «но» можно заменить союзом «и» без существенного смыслового изменения), то есть в целом двухядерную симметричную микроструктуру. Обе бинарные пары 1 (N)–2 (S) и 3 (N)–4 (S) связаны отношением «Свидетельство» («Evidence»). Древо микроструктуры текста, соответственно, можно представить следующим образом:

В роли обоих *ядер* выступают утверждения о возможности/невозможности достоверного познания – и в этом принципиальная характеристика гносеологической микроструктуры: в качестве *топика* (известного) выступает утверждение о достоверности/недостоверности познания, задавая тем самым гносеологическое смысловое наполнение всей последующей дискурсивной практике. Проблема существования/несуществования, соответственно, выступает здесь уже в роли функционально-второстепенной (*сателлит*) и подлежащей исследованию (*фокус*).

Теперь мы готовы дать определение введенных нами понятий *онтологического и гносеологического дискурсов* в соответствии с информационными структурами их дискурсивных клауз (априорный топик и целеполагающий фокус «корня» дискурсивного древа). Более наглядно определение может быть оформлено в следующую таблицу:

	Онтологический дискурс	Гносеологический дискурс
1. *Топик* – фундирующая смысловая априорная предпосылка, принимаемая в статусе известного знания	*Топик* – утверждение приоритетности проблемы бытия и сущего как очевидной, «само собой разумеющейся» аксиомы: «что существует и что не существует?»	*Топик* – утверждение приоритетности проблемы получения достоверного знания; известно только то, что все очевидное знание (как «само собой разумеющееся») сомнительно: «что человек может познать достоверно, а что не может?»
2. Функциональная целенаправленность (*фокуса*) – уровень пре-реализации: как текст планируется и организуется в соответствии с его целью, а не какими средствами достигается эта цель	*Фокус* – поиск функциональной организации метода познания сущности и бытия	*Фокус* – поиск функциональной организации метода получения метода непосредственного восприятия достоверного (несомненного) знания о сущности вещей

По Гуссерлю, интенциональность любого акта сознания предполагает направленность на предмет, но при этом сам этот предмет не принадлежит акту сознания как его *реальная (чувственная)* материя, которая суть комплекс ощущений, дающихся в явлении предмета («моменты переживаний»), то, что переживается (осознается) [3, с. 324]. Поэтому главная данность феноменологии – это моменты ощущений (переживаний), сам же

предмет, переживаемый в акте, определяющей роли не играет, *проблема его существования или несуществования*, соответствия или несоответствия образу восприятия субъектом, *определяющего значения не имеют* и должны быть редуцированы, вынесены «в скобки» (феноменологическое *эпохэ*). Следовательно, *в контексте дискурсивного анализа топик приоритетности проблемы существования/несуществования, фундирующий аксиоматическую специфику микроструктуры онтологического дискурса, феноменологическим методом Гуссерля отвергается как нерелевантный цели получения достоверного аподиктического знания. Онтологический дискурс играет в феноменологии Гуссерля исключительно вспомогательную роль, не обладая в своих границах возможностью адекватного семантического наполнения дескрипции феноменологического опыта.*

С другой стороны, весь проект феноменологии Гуссерля как строгой науки исходит из изначальной констатации проблемы «нестрогости» всех предшествующих наук, «наивности» их аксиоматических предпосылок, принимающихся «как само собой разумеющееся» («selbstverständlichen»), что в контексте дискурсивного анализа, как мы выяснили, означает фундированность *феноменологической дескрипции «корнями» гносеологически дискурсивных микроструктурных клауз.* Феноменология, прежде всего,— разоблачение иллюзии «строгой научности» так называемых «точных» наук, в этом ее исходная проблематика, «путеводная нить» к истинно и единственно строгой науке. Эту типичную для гносеологического дискурса направленность (скептический *топик* + нацеленность *фокуса* на поиск несомненных истин) однозначно демонстрируют самые первые слова Гуссерля во введении к «Идеям к чистой феноменологии и феноменологической философии» (том 1): «Чистая феноменология, путь к которой мы здесь ищем, исключительную позицию в отношении всех иных наук характеризуем, в намерении показать ее роль фундаментальной философской науки,— это наука существенно новая, в силу своего принципиального своеобразия далекая от естественного мышления...» [2, с. 17].

Таким образом, феноменологический проект Гуссерля задуман в парадигме микроструктуры гносеологического дискурса. Соответственно, В. А. Ладов в вышеуказанном исследовании совершает принципиальную ошибку, интерпретируя текст Гуссерля в рамках онтологической дискурсивной микроструктуры и, как следствие, «онтологизируя» феноменологическую дескрипцию до «натурализующего» (Ладов) понимания сознания, что, разумеется, ввергает рассуждение назад в естественную установку и таким образом искажает адекватное восприятие феноменологической науки Гуссерля. Следовательно, *метод феноменологической редукции и выход на дескрипцию чистых феноменов как способ освобождения из-под «власти дискурса», вопреки мнению Ладова, все же возможен, однако исключительно в рамках гносеологического дискурса с последующим его преодолением в «одинокой душевной жизни» феноменологического эпохэ (антидискурс).*

1. Блинов А.Л. Аналитическая философия [Текст] / А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев. М. : РГИУ, 2004. 718 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. Книга первая. М. : Академический Проект, 2009. 489 с.
3. Гуссерль Э. Собр. Соч. Т III (1) / пер. В.И. Молчанова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. 470 с.
4. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / под ред. В.И. Герасимова. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
5. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М. : Изд. МГУ, 1997. 454 с.
6. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. I 163 // Я.А. Слинин. Трансцендентальный субъект. Феноменологическое исследование. СПб. : Наука, 2001. 525 с.
7. Тимощук А.С. Дискурсивный поворот в межкультурной коммуникации [Текст] / А.С. Тимощук, Е.А. Тимощук // Диалог культур – культура диалога: материалы X юбилейной междунар. науч-пр. конф. Кострома : КГУ, 2011. С. 338–345.
8. Фрагменты ранних греческих философов. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1989.
9. William Mann, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory : A theory of text organization. University of Southern California, 1987.
10. William Mann, Christian Matthiessen, and Sandra A. Thompson. Rhetorical structure theory and text analysis. // Discourse Description. Amsterdam: Benjamins, 1992.